ЦѢНА: ФРАНЦІЯ — с. ЗАГРАНИЦА — 10 с.

QUOTIDIEN RUSSE DE PARIS

3e Année ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ 3e Année

PRIX: FRANCE — 5 c. ETRANGER — 10 c.

НАШЕ СЛОВО

NOTRE PAROLE

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

(ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО КРОМѢ ПОНЕДѢЛЬНИКОВЪ)

NACHÉ SLOWO

Адресъ для писемъ и денежной корреспонденціи: Adresse pour correspondance et mandats: Mr S. DRIDZO. Redaction de «Notre Parole», 19, rue Daguerre. 19 — PARIS — XIV

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ПАРИЖЪ:	ДЕПАРТАМЕНТЫ:	ЗАГРАНИЦА:
На 1 мѣс. 1 fr. 50 cts	На 1 мѣс. 2 fr. 75 cts	На 1 мѣс. 2 fr. 50 cts
„ 3 мѣс. 4 fr. —	„ 3 мѣс. 7 fr. —	„ 3 мѣс. 7 fr. —
„ 6 мѣс. 7 fr. 50	„ 6 мѣс. 13 fr. —	„ 6 мѣс. 13 fr. —
годъ 14 fr. —	годъ 25 fr. —	годъ 25 fr. —

Пріемъ по днямъ редакціи и администраціи ежедн., кромѣ воскресенья, отъ 2 до 4 ч. дня.

Rédaction et Administration — ouvertes tous les jours de 2 à 4 h. excepté Dimanche

Цѣна объявленій: Впередъ текста . . 1 ф. 50 с. Позади текста . . 1 ф. — с. за строчку петита.

Prix des Annonces: La ligne de 50 lettres Avant le texte 1 fr. 50 c. Après le texte . . 1 fr. — c.

№ 178 (504) ПАРИЖЪ — Суббота 20 мая Samedi 20 mai — PARIS 1916 Г.

ШОТЛАНДСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ И РЕАКЦІЯ ВЪ АНГЛІИ

III.—Дѣло т. Петрова

Обвиненіе русскихъ эмигрантовъ, въ особенности евреевъ, въ германофильствѣ было за все время войны обычнымъ маневромъ Гайдмановской клики. Еще въ 1914 г. Грингъ, секретарь нѣкогда много принесшаго пользы „общества друзей русской свободы“ (!), въ настоящее время самый бѣшеный изъ шовинистовъ, обвинялъ въ „Justice“ русскихъ эмигрантовъ-евреевъ въ симпатіи къ Германіи. Несчетное число разъ Гайдманъ объяснялъ существованіе враждебнаго ему теченія въ Брит. Соц. П. вліяніемъ германофиловъ-иностранцевъ. Дѣятели шовинистической клики не разъ выступали въ печати съ заявленіями о томъ, что въ В. С. П. имѣются „антиантантскіе космополитическіе интриганы и русскіе евреи съ германофильскими симпатіями“ и т. п. Въ буржуазной печати стали появляться доносы на т. Петрова; на него указывалось, какъ на доказательство того, что якобы германофильское теченіе въ В. С. П. есть результатъ интригъ иностранцевъ, „дѣйствующихъ по инструкціямъ изъ Берлина“. Во время одной изъ дискуссій въ Chandos Hall, залѣ В. С. П., въ отвѣтъ на выступленіе нападавшаго на него т. Петрова. Гайдманъ заявилъ, что правительство должно бы начать противъ него преслѣдованіе.

Въ концѣ декабря 1915 г., поѣздка Ллойдъ-Джорджа въ Шотландію какъ разъ совпала съ началомъ преслѣдованій противъ т. Петрова. 20-го декабря были произведены въ Лондонѣ обыски въ конторѣ союза русскихъ моряковъ, у секретаря союза и у секретаря каторжанскаго комитета; 23-го декабря въ „Justice“ появился извѣстный доносъ на т. Петрова; наканунѣ этого дня, т. Петровъ, отправившись на митингъ въ графство Файфъ, былъ въ первый разъ арестованъ. Хотя онъ при пріѣздѣ туда зарегистрировался въ полиціи, какъ онъ уже дѣлалъ при своихъ предыдущихъ поѣздкахъ въ эту и другія „закрытыя мѣстности“, но полиція въ этотъ разъ придралась къ тому, что онъ не написалъ заранѣе изъ Глазгова мѣстнымъ властямъ о своей поѣздкѣ. Онъ былъ присужденъ къ уплатѣ штрафа, и вернулся въ Глазговъ какъ разъ къ моменту митинга Ллойдъ-Джорджа.

Ожидавшаяся послѣ грандіознаго провала военнаго демагога-министра репрессія началась съ т. Петрова. 29-го января онъ былъ арестованъ вторично. Онъ уже неоднократно раньше ѣздилъ изъ Глазгова, гдѣ имѣлъ постоянное мѣсто жительства, въ „закрытыя мѣстности“ на собранія, и ни текстъ правилъ о регистраціи, ни мѣстныя власти не требовали, чтобы онъ каждый разъ, возвращаясь въ Глазговъ послѣ одного дня или двухъ дней отсутствія, прописывался какъ вновь пріѣзжій. Однако, 29-го января полиція его арестовала за то, что онъ не прописался снова, какъ вновь пріѣзжій, по возвращеніи въ Глазговъ изъ 36-часовой поѣздки въ графство Файфъ. Фискалъ (прокуроръ) воспротивился его освобожденію подъ залогъ, на томъ основаніи, что онъ—„опасная личность“. Судъ его однако освободилъ подъ залогъ.

3-го января состоялся его процессъ. Снова толпы рабочихъ наполнили помѣщеніе суда и прилегающія улицы и площадь. Все время, пока дѣло разбиралось, на площади шелъ импровизированный митингъ, произносились рѣчи, раздавались крики и аплодисменты. Опираясь на точный текстъ правилъ о регистраціи и приводя житейскіе примѣры, доказывающіе, что загородныя поѣздки на 36 часовъ не есть перемѣна жительства, т. Петровъ вскрылъ всю неглупость обвиненія; но онъ этимъ не ограничился, и перечисливъ всѣ происшедшіе передъ тѣмъ въ Англіи случаи репрессій противъ русскихъ, онъ вскрылъ основной фактъ—союзъ англійской реакціи и реакціи въ Россіи, результатомъ котораго были всѣ эти попытки прекратить дѣятельность русскихъ политическихъ эмигрантовъ и порвать связи между англійскими и русскими рабочими. Но, заключилъ онъ, объединенный англійскій и россійскій пролетаріатъ выйдетъ побѣдителемъ въ этой борьбѣ. Когда же судья прервалъ его замѣчаніемъ: „мы здѣсь не судимъ русское правительство“, т. Петровъ отвѣтилъ: „нѣтъ, русское правительство здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ, и англійское правительство также“. Когда былъ вынесенъ приговоръ,—2 мѣсяца тюрьмы,—какъ писалъ одинъ присутствующихъ товарищей, въ залѣ стало жутко. И вдругъ жуткое молчаніе, при видѣ уводимаго т. Петрова, было прервано криками „да здравствуетъ соціализмъ“, и сотни молодыхъ голосовъ запѣли „Красное Знамя“.

Въ это время впервые власти обращаются къ т. Петрову съ предложеніемъ компромисса. Когда онъ ходатайствовалъ объ освобожденіи впредь до разсмотрѣнія его апелляціонной жалобы Высшимъ Судомъ, Фискалъ предложилъ выпустить его, если онъ согласится ограничить свою политическую дѣятельность, напримѣръ, не выступать на публичныхъ митингахъ. Т. Петровъ рѣшительно отвергъ это незаконное предложеніе, и другой судья, къ которому дѣло было перенесено, призналъ поведеніе Фискала незаконнымъ и распорядился объ освобожденіи т. Петрова впредь до рѣшенія Высшаго Суда.

Согласно съ принятымъ мѣстной организаціей В. С. П. рѣшеніемъ, т. Петровъ въ слѣдующій затѣмъ промежутокъ времени воздерживался отъ публичныхъ выступленій. Тѣмъ не менѣе 29 января онъ былъ арестованъ снова, и интернированъ на время войны по распоряженію статсъ-секретаря по дѣламъ Шотландіи, на основаніи статьи „закона о защитѣ королевства“, о лицахъ „съ враждебными ассоціаціями“ (hostile associations), то есть какъ-нибудь связанныхъ съ врагомъ.

Заключивъ т. Петрова въ Эдинбургскій замокъ, власти всячески старались затруднить для него веденіе дѣла по его апелляціи передъ Высшимъ Судомъ. Безъ нужныхъ документовъ, безъ достаточной возможности совѣщаній съ адвокатомъ, т. Петровъ былъ предоставленъ главнымъ образомъ собственнымъ силамъ. Судившій его 3-го января шериффъ (судья) представилъ измѣненное изложеніе дѣла; т. Петровъ внесъ въ него нужныя поправки; шериффъ однако снова передѣлалъ изложеніе и представилъ его Высшему Суду съ рядомъ искаженій. Несмотря на все, тов. Петрову удалось передъ Высшимъ Судомъ доказать фактъ внесенныхъ шерифомъ искаженій. Главный прокуроръ заявилъ, что правительство готово отказаться отъ наложенія кары, если признаніе виновности т. Петрова останется въ силѣ. Позже т. Петровъ выражалъ предположеніе, что это требовалось затѣмъ, чтобы найти законное основаніе для передачи его въ руки русскихъ властей. Высшій Судъ однако не согласился на предложеніе правительства, и т. Петровъ былъ оправданъ. Приговоръ шериффа былъ отмѣненъ.

Какъ заявилъ депутатъ Кингъ въ своей рѣчи 28-го марта, по дѣлу т. Петрова „всякими правдами и неправдами, при помощи того одного, то другого судебнаго учрежденія, мѣняя и искажая документы и обвиненія, пытались добиться осужденія Петрова законнымъ путемъ, а когда это не удалось, тогда, очевидно вслѣдствіе своей злобы и невѣжества, власти достигли своего другимъ путемъ, указаннымъ мной; Петровъ былъ заключенъ въ Эдинбургскій замокъ, хотя онъ добился отмѣны осуждавшаго его приговора; онъ спросилъ, изъ за чего онъ заключенъ, и ему отвѣтили: „изъ-за враждебныхъ ассоціацій“.

Т. Петровъ подалъ жалобу на свое заключеніе въ Шотландскій Совѣщательный Комитетъ по дѣламъ иностранцевъ, два раза былъ туда приглашенъ. Предсѣдатель комиссіи, либеральный политическій дѣятель лордъ Дюваръ, спросилъ т. Петрова, какой онъ далъ бы отвѣтъ, если бы военныя власти предложили ему свободу подъ условіемъ ограниченія его соц.-дем. дѣятельности, напримѣръ, воздержанія отъ публичной агитаціи? Т. Петровъ съ негодованіемъ отвѣтилъ: „до какого состоянія паденія дошло англійское правительство, если издаетъ спеціальный законъ для одного человѣка! Судите меня на основаніи законовъ, и если я виновенъ, то осудите меня! Противиться же нарушенію закона есть первая обязанность гражданина“. Т. Петровъ категорически отказался ограничить свою соц.-дем. дѣятельность и купить себѣ этимъ путемъ свободу.

Большую роль въ ставшихъ лордомъ Дюваромъ вопросахъ игралъ знаменитый доносъ „Justice“; онъ спрашивалъ т. Петрова мнѣ отношеніи къ нему Гайдмана и Виктора Фишера.

Для т. Петрова все отступало передъ брошеннымъ ему обвиненіемъ во „враждебныхъ ассоціаціяхъ“. Англійское правительство хуже русскаго, заявилъ онъ лорду Дювару: оно старается поразить своихъ противниковъ позорящей ихъ клеветой, опорочить ихъ доброе имя. Лордъ Дюваръ отвѣтилъ, что власти отлично знаютъ враждебное отношеніе его къ германскому правительству; вредной онѣ считаютъ его соц.-дем. дѣятельность, и подъ „враждебными ассоціаціями“ подразумѣваютъ его ассоціацію съ рабочими организаціями, враждебно относящимися къ войнѣ.

Всѣ обращенія къ комитету объ иностранцахъ ни къ чему не привели. Объясненія лорда Дювара, устранившія подозрѣніе обвиненіе, не были даны публично. Т. Петровъ считалъ свою честь, какъ соц.-демократа, и честь партіи задѣтыми грязной инсинуаціей, заключавшейся въ обвиненіи во „враждебныхъ ассоціаціяхъ“, и, требуя взятія этого обвиненія обратно, объявилъ голодовку.

Къ нему прислали врача, чтобы кормить его насильно, но онъ заявилъ: „я не суффражистка, я русскій революціонеръ“, и такъ встрѣтилъ врача, что тотъ отказался принимать къ нему насильственное питаніе. Вѣсть объ его голодовкѣ разнеслась по Шотландіи и вызвала сильное возбужденіе. Настроеніе въ округѣ было такое, что послѣ нѣсколькихъ дней голодовки т. Петрова, власти рѣшили тайно увезти его ночью. Его разбудили среди ночи, дали ему часъ на приготовленія, и повезли въ Лондонъ. Онъ былъ такъ слабъ, что его выносили на рукахъ.

Между тѣмъ, вскорѣ послѣ его интернированія въ Эдинбургскій замокъ, была арестована и его жена. Будучи нѣмецкаго происхожденія она однако, какъ жена русскаго подданнаго, не зарегистрировалась. Но такъ какъ ихъ бракъ не былъ легальнымъ, власти посмотрѣли на нее, какъ на нѣмку. За уклоненіе отъ регистраціи она была осуждена на двѣ недѣли тюрьмы; это было еще до голодовки т. Петрова, онъ былъ выпущенъ изъ Эдинбургскаго замка въ сопровожденіи солдатъ, чтобы выступить свидѣтелемъ въ дѣлѣ жены, и на улицахъ Глазгова онъ былъ предметомъ восторженныхъ демонстрацій. Группы людей составлялись на его пути и привѣтствовали его демонстративными криками. Жена его была на все время войны интернирована въ концентраціонномъ лагерѣ. И ей также, какъ ея мужу, предложили свободу, если она обяжется не вести с.-д. агитаціи. И она также отвергла это предложеніе. Власти заявляли, что отлично знаютъ, что она противница германскаго имперіализма (были перехвачены ея статьи, посланныя ею въ „Berner Tagwacht“), но въ нихъ глазахъ опасна была ея интернаціоналистская соц.-дем. работа.

Пріѣхавъ въ Лондонъ, гдѣ онъ теперь интернированъ вмѣстѣ съ нимъ, т. Петровъ прекратилъ голодовку, узнавъ о предпринятыхъ шагахъ для противодѣйствія оскорбительной для него инсинуаціи. Съ протестами противъ этой инсинуаціи и противъ его интернированія выступили всѣ россійскія соціалистическія группы Лондона, секретарь Центр. Бюро загр. группъ Р. С.-Д. Р. П., подъ протестомъ аналогичнаго содержанія были собраны подписи выходцевъ изъ Россіи. Лѣвый либералъ, стойкій борецъ за демократію, депутатъ Джозефъ Кингъ въ парламентѣ 23-го марта, въ связи съ вопросомъ о вощарившемся въ Англіи административномъ произволѣ, съ большимъ жаромъ изложилъ дѣло т. Петрова и сообщилъ при этомъ, что статсъ-секретарь по дѣламъ Шотландіи Макъ Киннонъ Вудъ въ разговорѣ съ нимъ истолковалъ „враждебныя ассоціаціи“ Петрова въ смыслѣ его ассоціаціи съ своей женой, юридически продолжающей числиться нѣмкой. Отвѣчая ему, Макъ Киннонъ Вудъ снова инкриминировалъ т. Петрову ассоціацію съ незарегистрированной нѣмкой, вообще же охарактеризовалъ его, какъ человѣка, „опаснаго потому, что онъ съ большимъ талантомъ защищалъ взгляды, несогласные съ интересами страны въ отношеніи рекрутированія и въ отношеніи производства амуниціи“. Подъ такое растяжимое обвиненіе можетъ быть подведено, очевидно, все, что угодно. Жену т. Петрова онъ характеризовалъ, какъ очень талантливую женщину, „но у нея нѣсколько опасные взгляды: она заявляетъ, что не вѣритъ ни въ бога, ни въ правительства, ни въ легальный бракъ“.

Дѣло т. Петрова и его жены произвело въ Англіи сильное впечатлѣніе. Множество революцій принималось по этому поводу, передовая рабочая и соціалистическая печать много объ немъ писала. Созывались кое-гдѣ спеціальные митинги протеста по дѣлу Петрова.

Т. Петровъ не послѣдовалъ примѣру или совѣту тѣхъ, которые предпочитаютъ живую собаку мертвому льву и путемъ компромисса съ правительствомъ или патріотами покупаютъ возможность хотя бы частичнаго проведенія принципіальныхъ словъ цѣною безпринципнаго акта. Дѣйствуя въ данномъ случаѣ какъ представитель лучшихъ традицій непримиримаго, какъ революціоннаго марксистскаго теченія,